

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

История марксизма, начиная с его возникновения, это история невиданного торжества научной теории. Найдя подтверждение в опыте международного рабочего движения, в великом и вдохновляющем примере Октябрьской революции, в практике строительства социализма в нашей стране, марксизм продолжает свое триумфальное шествие. Уже треть человечества строит здание новой жизни по гениальному плану великих зодчих будущего — Маркса, Энгельса, Ленина, под испытанным руководством революционных коммунистических партий.

Универсальный гений Маркса проявил себя почти во всех отраслях человеческого знания, повсюду он осуществил переворот, всюду сказал новое слово. Во весь голос было сказано это новое слово и в области древней истории, на первый взгляд очень далекой от тех проблем, решение которых составляло главную цель жизни творца научного коммунизма.

Последнее столетие значительно расширило наши знания о древнем мире, обогатило науку новыми, не известными ранее эпиграфическими, папирологическими, археологическими памятниками. Большие успехи сделала критика литературных источников. Встали новые проблемы, над которыми не задумывались в прошлом веке. Но по-прежнему научное истолкование прошлого исходит и может исходить лишь из метода, созданного классиками марксизма-ленинизма.

Марксизм себя настолько оправдал, что его враги не всегда решаются открыто выступать против него, предпочитая различного рода замаскированные выпады. Потуги ревизионистов всех оттенков исказить научное наследие Маркса обречены на провал. Они бессильны задержать победное, неудержимое шествие марксизма. Марксизм выдержал все испытания, в том числе испытание временем. Обращенный в будущее, марксизм смог правильно объяснить настоящее и прошлое, осмыслить весь пережитый человечеством многовековой опыт страданий и борьбы, всю его предысторию.

Формирование мировоззрения Маркса было не только обусловлено событиями современной ему действительности, выступлением на арену истории нового класса — могильщика буржуазии, но и было теснейшим образом связано с творческим использованием лучших достижений человеческой мысли. Маркс не только взял и переработал все ценное и рациональное, что имелось в произведениях классиков английской политэкономии, в трудах французских социалистов-утопистов, в сочинениях классиков немецкой философии, но и пристально, углубленно изучал богатейшее идейное наследие античного мира.

Интерес Маркса к античности отнюдь не был временным увлечением, не имел случайного, преходящего характера, как это вполне можно было бы ожидать у человека, посвятившего свою жизнь жгучим вопросам современности. Начиная с гимназических лет, когда Маркс писал по-латыни свое сочинение о принципате Августа, и до конца своей жизни великий мыслитель постоянно общался с античностью. Это общение доставляло не только отдых и эстетическое наслаждение, но и помогало Марксу в его великом титаническом труде. Маркс читает в оригинале и вновь перечитывает Эсхила и Аристофана, Аппиана и Диодора, Лукреция и Лукиана, Цицерона и Плутарха. Результаты этого чтения хранят страницы бессмертного «Капитала». Цитаты из античных авторов, замечания Маркса, относящиеся к истории Греции и Рима, входят как органическая часть в живую ткань изложения и играют немалую роль в железной, несокрушимой системе доказательств.

По словам Лафарга, Маркс мечтал написать драму о гибели Гракхов. Первой его работой была диссертация по истории греческой философии. И в дальнейшем, несмотря на огромную занятость теорией и практикой революционной борьбы, Маркс находит время для чтения реальной энциклопедии классической древности Паули, для изучения новейших исследований в области древней истории. Грот и Нибур, Моммзен и Морган, Бек и Дюро де ля Малль — таков далеко не полный перечень исследователей, труды которых штудировал Маркс.

Античный материализм помог молодому ученому преодолеть умозрительный туман гегельянства и стать на почву реальности. В докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» Маркс начинает делать из противоречивой философии Гегеля атеистические выводы. Уже в этой работе чувствуется будущий революционер. Приводя отрывок из трагедии Эсхила:

«Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское смирение:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса»,

Маркс дает высокую оценку образу Прометейя — «самого благородного святого и мученика в философском календаре». Прометей был любимым образом для борца и мыслителя, поставившего перед собой задачу освободить человечество от духовного и физического рабства.

История до Маркса считалась областью безраздельного господства случая и произвола. Материалистическое и диалектическое понимание исторического процесса, открытое Марксом, заменило господствовавший в историографии случай законами, столь же точными и незыблемыми, как законы естественного мира. Этим Маркс возвысил историю до уровня науки. Величайшей научной заслугой Маркса было создание теории общественно-экономических формаций. Первые контуры этой теории намечены в совместной работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология». Здесь же мы находим многие черты учения о первобытно-общинном и рабовладельческом способах производства, хотя термины «первобытно-общинная» и «рабовладельческая формация» еще отсутствуют. Началом человеческой истории Маркс считает период возникновения производства. Производство выделило людей из животного мира. «Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь»¹. Маркс выделяет четыре ступени деления труда и соответствующую

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 19.

щие им четыре формы собственности: племенную, античную, феодальную и капиталистическую. При господстве племенной собственности, соответствующей неразвитой стадии производства, разделение труда, как отмечает Маркс, было развито слабо, ограничиваясь дальнейшим расширением существовавшего в семье естественно возникшего разделения труда. При господстве античной формы собственности «разделение труда имеет уже более развитой характер. Мы встречаем уже противоположность между городом и деревней, впоследствии — противоположность между государствами, из которых одни представляют городские, а другие — сельские интересы: внутри же городов имеет место противоположность между промышленностью и морской торговлей. Классовые отношения между гражданами и рабами уже достигли своего полного развития»².

При характеристике социального и политического строя античного мира Маркс исходит из роли рабства в производстве. «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»³.

В «Немецкой идеологии» Маркс указывает и на другие характерные для античности явления: концентрацию земельной собственности и превращение пахотной земли в пастбищную, наличие люмпен-пролетариата, политический характер связи Рима с провинциями.

Свое материалистическое понимание истории Маркс противопоставляет взгляду, согласно которому движущей силой истории является насилие, война, грабеж. Ниспровергая этот взгляд, Маркс впервые ставит и разрешает вопрос о роли насилия в истории. На примере завоеваний Рима варварами Маркс показывает, что воинственность варваров объясняется не какими-либо расовыми факторами, а исключительно примитивностью способа производства, при котором сама война «еще является регулярной формой сношений».

Свое дальнейшее развитие учение об общественных формациях получает в классическом произведении «К критике политической экономии». В предисловии к этому труду Маркс дает ясную, законченную формулировку соотношения производительных сил и производственных отношений, связи между базисом и надстройкой.

«В общественном производстве своей жизни, — говорит Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»⁴.

В развитии производительных сил Маркс увидел ту революционную силу, которая осуществляет движение человеческого общества от низшей ступени к высшей, ту силу, которая разрывает оковы старых производственных отношений и создает почву для созревания и роста новых, более прогрессивных производственных отношений.

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»⁵.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 21.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 7.

Каждая общественно-экономическая формация является, по Марксу, прогрессивной по отношению к предшествующей формации, означает шаг вперед в развитии человеческого общества. Так и античный способ производства был необходимым звеном в цепи единого всемирно-исторического процесса. Основой античного способа производства Маркс считает рабство, первую антагонистическую форму общественного процесса производства. Рабство было результатом завоевания, грабежа, но завоевания и грабеж могли привести к рабству лишь в том случае, если производство той страны, для которой они производятся «...устроено так, чтобы допускать применение рабского труда...»⁶.

«Каждая форма общества,— указывает Маркс,— имеет определенное производство, которое преобладает над всеми и отношения которого поэтому определяют место и влияние всех остальных»⁷. Для античного и феодального обществ Маркс таким определяющим производством считал земледелие, накладывающее отпечаток на организацию и формы собственности промышленности. «У римлян,— отмечает Маркс,— общество целиком зависит от земледелия». В этой же работе Маркс отметил ряд особенностей товарно-денежных отношений в Римской империи. «Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом»⁸.

Дальнейшее развитие учения о рабовладельческой формации мы находим в рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Здесь Маркс более широко и конкретно исследует азиатскую и античную формы собственности. Выделение Марксом азиатской формы собственности стоит в связи с поставленной им задачей проследить различные пути разложения общинных отношений и факторы, способствующие сохранению общины, и отнюдь не говорит в пользу взгляда тех историков, которые усматривали у Маркса особую, «азиатскую» общественно-экономическую формацию. Азиатская форма собственности характеризуется «...сочетанием промышленности с сельским хозяйством в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной просуществовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширяющегося производства»⁹.

Наиболее детально Маркс охарактеризовал античную форму собственности. Эта форма, собственно, предполагает коллектив землевладельцев, эксплуатирующих рабский труд,— коллектив, ограниченный городом. «История классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии; азиатская история—это своего рода нерасчлененное единство города с деревней»¹⁰.

Маркс указал, что античная форма собственности «породила существенные разновидности, местные, исторические и т. п.». Задачей советских историков является выявление этих разновидностей путем конкретного изучения источников. В последнее время появились работы, посвященные исследованию форм собственности эпохи Римской империи. Не менее важно всестороннее изучение разновидностей античной формы собственности на заре истории античного общества. Это изучение может объяснить специфику греческого и римского вариантов рабовладельческой формации, особенности процесса возникновения государства.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 188.

⁷ Там же, стр. 197.

⁸ Там же, стр. 193.

⁹ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 6—7.

¹⁰ Там же, стр. 13.

Выяснение роли производительных сил в общественном развитии позволило Марксу дать научное объяснение наиболее сложным вопросам истории древнего мира, в том числе проблемам античной колонизации и варварского завоевания. Причину принудительной эмиграции, принимавшей форму периодического устройства колоний, Маркс видел в недостаточном развитии производительных сил, в отсутствии применения естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, «граждане» могли сохранить свою цивилизацию. «В противном случае, они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать»¹¹. Глубокое замечание Маркса дает возможность не только понять причины греческой колонизации, но и выяснить политику вождя афинской демократии Перикла. Его мероприятия по выведению клерухий, по ограничению числа граждан только рожденными от афинских граждан имели своей целью сохранение полиса с его определенным количественным соотношением, что означало сохранение сравнительно высокого уровня жизни для ограниченного числа жителей Афин.

Низким уровнем производительных сил Маркс объясняет вторжение избыточного населения племен, занимавшихся кочевым скотоводством, в области древних культур. Увеличиваясь в числе, варвары «...сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»¹². Таким образом, Маркс вовсе не отрицал миграций и их роли в этногенезе. Он впервые дал этим миграциям, изучавшимся с идеалистических и расистских позиций, научное, материалистическое объяснение.

В своем окончательном виде учение о рабовладельческом способе производства выступает в «Капитале». Изучение категорий политической экономики буржуазного общества в их становлении помогло Марксу установить специфический характер исторически предшествовавших им категорий рабовладельческого и феодального общества. Важнейшей категорией, подвергнутой Марксом глубокому анализу, было рабство. Маркс выяснил коренное отличие раба как экономической категории, от наемного рабочего. «Купля и продажа рабов,— говорится во втором томе „Капитала“,— по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров»¹³. Раб — товар, который вместе со своим трудом раз навсегда продан своему господину и опять-таки как товар может переходить из рук в руки. В капиталистическом же обществе товаром является не сам непосредственный производитель, а только его рабочая сила.

Раб в рабовладельческом обществе является не только товаром, но и орудием производства. В качестве последнего он должен играть роль основного капитала. «Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь,— читаем мы в I томе „Капитала“.— Вместе с рабом он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке»¹⁴.

Развивая эту мысль, Маркс указывает: «При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, по

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

¹² Там же, стр. 278—279.

¹³ К. Маркс, Капитал, т. II, 1955, стр. 28.

¹⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 271.

истечении активного периода жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получает непосредственно, при помощи промышленного использования своего раба, или косвенно, при помощи отдачи его в наем другим лицам, применяющим труд в промышленности (напр., в горном деле), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал...»¹⁵.

Большой научной заслугой Маркса явилось выяснение различия между патриархальным рабством, возникающим в период господства первобытно-общинных отношений и не образующим основы производства, и классическим античным рабством. Рабовладельческое хозяйство в период своего классического развития тесно связано с рынком, в то время как патриархальное рабство рассчитано преимущественно на потребление внутри данного хозяйства. Связь с рынком, добывание не потребительской, а меновой стоимости ведет к усилению эксплуатации рабского труда. В качестве примера жестокой эксплуатации рабов, заменившей эксплуатацию, носившую более или менее патриархальный характер, Маркс приводит эксплуатацию рабов в хозяйстве римских всадников, жадных до денег выскочек. Еще более жестокий характер использование рабского труда приобретает в производстве золота и серебра.

Рабский труд создавал возможность спорадического применения простой кооперации, принципиально отличающейся от капиталистической кооперации, использующей свободную рабочую силу и машины: «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.»¹⁶.

Главным пороком рабского труда Маркс считал незаинтересованность работника в результатах своей работы. Эта незаинтересованность неизбежно приводит к небрежному обращению с орудиями труда и к их сознательной порче, что ведет к удорожанию производства и является тормозом для технического прогресса. С этим в связи находится сложность и дороговизна организации надзора за производством:

«Труд главного надзора, — говорит Маркс, — необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства»¹⁷.

Рабский труд не только создавал технический застой в сфере своего применения, но и порождал презрительное отношение к физическому труду вообще, накладывая на него клеймо рабства. Из этой мысли Маркса нельзя делать вывода, что презрение к физическому труду — характерная черта античности. Конкретное изучение источников показывает, что презрение к физическому труду свойственно определенным эпохам, определенным прослойкам свободного населения. Кроме того, это презрение относится к определенным видам физического труда.

Из вопросов экономического развития рабовладельческого общества наиболее детально исследованы в «Капитале» вопросы истории торгового и ростовщического капитала. Характерной особенностью торгового капитала, заслуга выяснения которой принадлежит Марксу, состоит в том, что торговый капитал в докапиталистических формациях играет самостоятельную роль, являясь капиталом «по преимуществу», в то время как в условиях капитализма купеческий капитал функционирует лишь как агент

¹⁵ К. Маркс, Капитал, т. II, 1955, стр. 479.

¹⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 340.

¹⁷ К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 398.

производительного капитала. Рассматривая купеческий капитал как историческую категорию, Маркс наголову разбил вульгарных экономистов, которые приписывали торговому капиталу самостоятельное существование и при капиталистическом способе производства. Большое научное значение имеет выяснение связи между купеческим капиталом и развитием ремесла в различных античных обществах: «В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов»¹⁸.

Маркс выяснил специфику ростовщического капитала и его отличие от ссудного капитала, существующего в условиях капитализма. Буржуазные экономисты сводили различие между допотопным ростовщичеством и ссудным капиталом лишь к высоте уровня процента. Маркс показал, что это различие — различие общественных способов производства, различие условий функционирования и вызванного ими нового облика заемщика, противостоящего кредитору, различие целей займа и источников кредита: «Во всех тех формах, в которых рабское хозяйство (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи) существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда при помощи купли рабов, земли и т.д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты»¹⁹.

Маркс показал, что развитие торгового и ростовщического капитала действует разлагающе на те организации производства, которые оно застаёт, однако не создает условий, необходимых для возникновения капиталистических отношений. В античном рабовладельческом обществе развитие торгового и ростовщического капитала имело своим следствием лишь превращение патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в развитую рабовладельческую систему, целью которой является производство и присвоение прибавочной стоимости.

В «Капитале» была заложена основа для плодотворного изучения экономической мысли древности. В отличие от буржуазных историков политэкономии, изучавших экономическую мысль древности вне всяких временных связей, Маркс рассматривал экономические учения древности как продукт рабовладельческой формации. Наибольшее внимание было уделено анализу экономических взглядов Ксенофонта и Аристотеля. Маркс отмечает, что Ксенофонт подходит к разделению труда не с точки зрения меновой стоимости, а с точки зрения потребительской стоимости. Маркс высоко оценивал данный Аристотелем анализ обмена и объяснил, почему этот анализ не был доведен до конца: «...это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит „в действительности“ это отношение равенства»²⁰.

¹⁸ К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 344.

¹⁹ Там же, стр. 608.

²⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 66.

Созданная Марксом теория общественно-экономических формаций служит надежной опорой для изучения древних обществ во всем разнообразии их экономической, социальной и политической истории. Одной из важнейших проблем древней истории является проблема классовой борьбы. Изучая классовую борьбу во всех ее формах и проявлениях, мы должны помнить о подчеркнутом Марксом «...коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов...»²¹. Маркс предупреждал о недопустимости аналогий современной классовой борьбы с классовой борьбой в древнем Риме, где рабы служили «пассивным пьедесталом» для борющихся партий привилегированного меньшинства. Развивая мысли Маркса о специфическом характере классовой борьбы в рабовладельческом обществе, В. И. Ленин писал: «Рабы... восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»²².

Теория общественно-экономических формаций дает возможность понять сложнейшие вопросы возникновения государства, различия государственных форм в рабовладельческих обществах. Фактором, определяющим форму государственной организации, Маркс считает форму собственности. Государственным выражением восточной собственности была деспотия, государственным выражением античной собственности был город-государство, полис. Полис вырос из родового общества, в принципе сохраняя естественный характер племенного объединения. С развитием рабства членов этой государственной общины сплачивала необходимость держать в узде рабов.

Ценным методологическим указанием для понимания особенностей организации государства на Востоке служит мысль Маркса о роли искусственного орошения в Египте и Индии и необходимости его централизованного использования. «Одною из материальных основ государственной власти над не связанными между собою мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения»²³. Мысли Маркса о государстве, развитые и разработанные Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, внесли ясность в один из самых сложных и запутанных вопросов в социологии. Разработка классиками марксизма-ленинизма общих теоретических вопросов истории государства ставит перед нашей наукой задачу привлечения появившегося в последнее время богатейшего материала источников для конкретного изучения вопросов возникновения и структуры государства в различных обществах древневосточного и античного мира. Советские ученые сделали много для правильного объяснения кризиса греческого полиса, гибели римской рабовладельческой республики и установления принципата, перехода к доминату. Однако проблема возникновения римского государства во многих своих аспектах остается еще неизученной.

Маркс уделял большое внимание изучению юридической надстройки рабовладельческого общества, объяснив развитие права материальными условиями жизни. С помощью марксистской методологии советские ученые успешно изучают правовые отношения в древних государствах. Нами немало сделано в области изучения памятников восточного права, ставших известными науке в последние пятьдесят лет. Появились отдельные исследования по праву Крита, по юридическим памятникам Греции и Рима, со-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 313.

²² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449.

²³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 517, прим. 6.

держащимся в надписях. В области изучения классического римского права мы делаем еще очень мало. В частности, не опубликовано ни одной работы, посвященной древнейшему памятнику римского права — Законам двенадцати таблиц. Ценный источник «Дигесты» используется нами мало.

Научное наследие Маркса имеет большое значение для изучения философии и философского атеизма в античности. В предисловии к докторской диссертации Маркс писал о своем намерении разобрать цикл эпикурейской, стоической и скептической философии в их связи со всем греческим мышлением²⁴. Полностью осуществить свои намерения Марксу не удалось. Он рассмотрел лишь эпикурейскую философию в плане истории античного материализма, одновременно проследив борьбу философов-идеалистов против материалистического учения. В 1956 г. были впервые полностью опубликованы философские «Тетради» Маркса, в которых содержатся его высказывания по истории античной философии и многочисленные выписки из произведений Лукреция, Диогена Лаэртца, Цицерона, Плутарха, Сенеки и др. Так же как в своей докторской диссертации, в «Тетрадах» Маркс выступает против реакционной философии, стремящейся поставить научное исследование в зависимость от религии и дает высокую оценку эпикуреизму за его материалистический взгляд на мир и наличие диалектики.

Несмотря на то, что докторская диссертация и «Тетради» Маркса относятся к тому периоду, когда он еще не освободился от гегелевского идеализма, в этих работах античники и историки древней философии могут почерпнуть для себя немало ценного. Большое значение имеют высказывания Маркса о философии периода упадка античного мира. Впервые выявив значение искусства, как общественного явления, как специфической формы сознания, вскрыв несостоятельность антинаучных идеалистических теорий искусства, Маркс совершил революционный переворот в эстетике, приведший к созданию подлинной науки о сущности и закономерностях развития художественного мышления человека. Советское искусствоведение в изучении памятников античного искусства полностью опирается на марксистский метод, и это открывает перед ним широкие перспективы.

Научное наследие Маркса имеет большую ценность в разработке историографии античного мира. Исключительный интерес представляют его замечания о древних и новых историках, сам подход к оценке их произведений. Маркс выяснил причины свойственной буржуазной науке модернизации древности и показал ее проявления: «В реальных энциклопедиях классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — „нехватало только свободного рабочего и кредитных учреждений“. Г-н Моммзен в своей „Римской истории“ тоже впадает в одно *quid pro quo* за другим»²⁵.

Модернизируя римскую историю, классик буржуазной историографии Т. Моммзен все же выступал против использования истории прошлого для ответов на современные события: «История минувших веков должна, конечно, быть наставницей для нашего времени, но не в том пошлом смысле, будто для решения вопросов настоящего достаточно просто перелистать рассказы о прошлом, чтобы найти там все симптомы и средства для политического диагноза и искусства прописывать рецепты»²⁶. Модернизация истории в трудах современных буржуазных историков приобретает именно этот «пошлый смысл», о котором говорил Моммзен. В истории античности ищут рецептов для спасения «западной цивилизации», которой якобы угрожает «восточное варварство».

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, т. I, 1956, стр. 23.

²⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 174, прим. 39.

²⁶ Т. Моммзен, История Рима, т. 3, М., 1941, стр. 393.

«Наше будущее, вероятно, может быть расшифровано в записях греко-римского прошлого», — заявляет кумир современной буржуазной мысли Арнольд Тойнби («The World and the West», 1, 1954, стр. 31). В событиях истории Рима в IV—V вв. н. э., в падении Западной римской империи западногерманский историк Альтгейм пытается понять историю человечества после второй мировой войны и приписать рецепт для спасения западной культуры.

Современный американский историк Хаскелл не только находит в Риме империализм, но и отождествляет римский империализм с американским империализмом. Более того, он считает возможным установить точные соответствия римской экономической истории с экономической историей США, а экономическую политику римских императоров сопоставляет с «новым курсом» Франклина Рузвельта.

Научное наследие Маркса имеет большое значение для критики этих тенденций в буржуазной науке. Установив наличие в античности товарного производства, Маркс выяснил его специфику, его отличие от капиталистического товарного производства.

Научное наследие Маркса в области древней истории, так же как его учение в целом, на протяжении многих десятилетий игнорировалось буржуазной наукой. К концу XIX века этот «заговор молчания» был нарушен. О Марксе много пишут, говорят, на него ссылаются, с ним спорят, ему отдают дань. В трудах крупных историков древности все большую роль играет так называемый «экономический фактор». В этом можно видеть известное влияние Маркса. Но это влияние имеет и другой аспект — буржуазные ученые, заимствуя кое-что из сокровищницы марксовой мысли, фальсифицируют и извращают до неузнаваемости его учение. Особенно опасной формой фальсификации была та, которая исходила от людей, именовавших себя марксистами, а на самом деле являвшихся проводниками буржуазной идеологии.

Великая Октябрьская революция передала богатое научное наследие марксизма в распоряжение победившего народа и создала наиболее благоприятные условия для развития этого наследия. Уже в двадцатых годах советские историки древнего мира начинают изучать научное наследие классиков марксизма и применять к конкретному материалу марксистский метод. Однако под влиянием господствовавшей тогда школы Покровского в трудах античников и востоковедов допускалась схематизация, противоречащая стилю работы Маркса, и модернизация, против которой выступал творец научного коммунизма. Поддержка Коммунистической партии способствовала преодолению буржуазных влияний в исторической науке и создала необходимые условия для творческого усвоения марксизма советскими историками.

Значение научного наследия Маркса в области древней истории отнюдь не исчерпывается теми проблемами, которые разрешил или наметил пути к их разрешению творец научного коммунизма. Маркс, Энгельс и Ленин вооружили нас методом, позволяющим найти правильную дорогу в безбрежном море истории. Владение этим методом обеспечило успехи нашей науки, которыми мы по праву гордимся, но оно же показывает нам и то, чего мы еще не сделали, освещает слабые стороны и пробелы в нашей работе. И в области изучения экономической истории древности, и в области ее идеологической истории имеется немало вопросов, ждущих применения сил и знаний исследователей-марксистов.

После второй мировой войны марксизм одержал ряд выдающихся побед. Из ига капиталистического рабства были вырваны десятки миллионов людей. На путь самостоятельного национального развития вступили многие народы Востока. Миллионы человеческих умов были освобождены от оков

буржуазной идеологии. Марксизм добился выдающихся успехов во многих областях человеческого знания, в том числе и в исторической науке. Важнейшим из этих успехов является расширение фронта марксистской науки, приток в нее новых сил.

Древняя история изучается с марксистских позиций не только у нас, но и в Китае, Польше, Чехословакии, Болгарии и других странах народной демократии. Марксистская мысль работает и в капиталистических странах. Свидетельством усиления позиций марксистской науки в области древней истории является тот факт, что с этого года начинает выходить международный марксистский журнал по античности «Айрене».

Всего лишь сто десять лет прошло с той поры, как были сформулированы основные положения революционного учения — марксизма. За эти годы его сторонники из небольшой кучки людей, преследуемых и гонимых буржуазными правительствами, превратились в революционные партии, завоевавшие власть в ряде крупнейших стран и объединенные сейчас в едином лагере социализма. Великая сила марксизма обнаружилась в невиданном расцвете науки в нашей стране. Каждый советский ученый, какой бы отраслью науки он ни занимался, делает все для того, чтобы приблизить время окончательного торжества коммунизма.

